

За день до праздника Синсян Ашина Бисо вернул Ли Йоинь драгоценности и нефрит, которые она отправила купцам Ху.

- Они убили раба без причины, и они тоже виноваты. Городские власти провели расследование, но из-за Се Пэна пострадали люди, поэтому штраф вернуть нельзя.

Ли Йоинь была немного удивлена и поблагодарила его.

Ашина Бисо пожал плечами и сказал:

- Законы Королевского двора не такие строгие и подробные, как в Центральных равнинах, и купцы могут избивать и убивать рабов по своему усмотрению. Король издал несколько указов, но так и не смог остановить эту порочную практику. Только после того, как принц-регент казнил нескольких дворян, убивавших рабов ради забавы, они немного успокоились. Такая ситуация до сих пор сохраняется в Королевском дворе, находящемся под юрисдикцией короля. В других городах-государствах человеческая жизнь стоит меньше, чем жизнь овцы.

Ли Йоинь тихо вздохнула.

В смутные времена, будь то на Центральных равнинах или за их пределами, ситуация всегда была одинаковой. Человеческая жизнь была подобна траве. В Западных регионах унижению подвергались не только ханьцы. Племена аннексировали друг друга, многие племена попадали в рабство, где с ними обращались как с животными. Их жизнь была хуже, чем у свиней и собак.

Центральные равнины нуждались в сильной и единой империи, как и Западные регионы.

Ашина Бисо хлопнул в ладоши, и в ответ во двор вошли две служанки с коробками в руках.

- В тот день я был невнимателен, и одежда принцессы была полностью испачкана. Это я специально приготовил для принцессы, - с улыбкой сказал он, указывая на коробки.

Ли Йоинь вежливо отказалась:

- Генерал потратил ради меня время, а я еще не поблагодарила вас. Я не смею позволить генералу тратить деньги.

Ашина Бисо взмахнул рукой и прервал ее:

- Если хотите отблагодарить меня, как насчет того, чтобы сопровождать меня в буддийский храм на завтрашний праздник Синсян, когда все мужчины, женщины и дети в городе будут наряжаться, чтобы поклониться Будде? Вы ведь никогда не осматривали Священный город, верно? Для меня это хорошая возможность проявить гостеприимство хозяина.

Ли Йоинь на мгновение замешкалась. Ашина Бисо очень старался для нее в эти дни, пройдя через множество трудностей. Она должна была отблагодарить его, к тому же после пуджи они собирались вместе отправиться в Гаочан, поэтому она кивнула и согласилась. Ей не подобало выходить из дома, но если с ней будет генерал Ашина, благородный представитель Королевского двора, Сюэ Ян не посмеет подойти и спровоцировать ее.

На лице Ашины Бисо тут же расцвела сияющая улыбка:

- Я попросил служанок приготовить праздничное платье для принцессы, примерьте его. Если оно не подойдет, пусть его переделают.

Сказав это, он добавил:

- Это платье сшито по меркам принцессы. Не стесняйтесь. Как гостя короля, принцесса является и моим гостем.

Видя, что Ли Йоинь опустила глаза, придумывая, как бы отказаться, он слегка приподнял густые брови и нарочито торжественно произнес:

- Неужели принцесса хочет видеть меня грустным и расстроенным?

Ли Йоинь улыбнулась, поблагодарила его и жестом велела своим личным солдатам забрать коробку. Она не стала сразу возвращаться в дом, чтобы переодеться в новую одежду, а спросила о другом:

- Принц-регент Судан Гу, которого я видела на городской башне в тот день, является близким последователем Сына Будды?

Глаза Ашины Бисо слегка блеснули. Кивнув, он с улыбкой сказал:

- Регент напугал принцессу? Принцессе не нужно его бояться. Он справедливо награждает и наказывает. Кроме того, он очень предан королю.

Ли Йоинь действительно была напугана. В эти дни по ночам ей постоянно снилось, как он одним ударом отрубает голову разбойнику. От его прямой спины веяло безжалостностью, холодной убийственной аурой, как у якши.

Очнувшись от сна, она задалась вопросом: в книге после смерти Тунмо Луоцзя Королевский двор был уничтожен. Куда делся Судан Гу, который был регентом? Он отвечал за военную и политическую власть, так почему же он исчез без единого звука?

Может быть, его убили дворяне и министры?

Ли Йоинь была озадачена, как бы она ни думала об этом.

Судан Гу был слишком загадочным. Его местонахождение было скрытным, и он редко показывал свое лицо. Когда же его уродливое и злобное лицо появлялось перед публикой, наступало время для убийств.

Она пытливо спросила:

- Сколько лет регенту?

Ашина Бисо потер пальцами подбородок, задумался на мгновение и ответил:

- Регент на несколько лет старше нас с королем. Он наш старший брат-соученик.

Оказалось, что Судан Гу был старшим братом Тунмо Луоцзя.

Ли Йоинь выглядела задумчивой. Услышав вторую половину фразы, она изумленно спросила:

- Генерал и Сын Будды когда-то вместе учились? Генерал также является последователем буддизма?

Ашина Бисо был потомком тюркской королевской семьи. Его имя Бисо было взято из согдийского языка и означало «колоритный человек». Его мать верила в зороастризм. Почему же он не исповедовал зороастризм, как его мать?

Ашина Бисо улыбнулся и беззаботно развел руками:

- Я совсем не похож на Сына Будды, правда? На самом деле меня тоже отправили изучать буддизм, когда я был ребенком. Так было со всеми благородными детьми Королевского двора. Мы росли, изучая Священные Писания вместе со старшими. Только самые умные и талантливые получали право продолжать практику нашего мастера, а король был самым умным среди нас. Он обладал необычайным талантом, и мастер говорил, что по сравнению с ним мы просто кучка ягнят, которые блеют целыми днями.

Говоря об этом, Ашина Бисо слегка рассмеялся.

- Король быстро всему учился. Он мог говорить на четырех языках, когда мы только начинали изучать согдийский. Когда они с мастером обсуждали буддийские доктрины, нам казалось, что мы слушаем другой язык.

Ли Йоинь вспомнила легенды, которые она слышала в эти дни:

- Я слышала, как маленький монах рассказывал, что, когда родился Сын Будды, в Священном городе с неба спустилось видение, и весь город видел его.

Ашина Бисо на мгновение замолчал, уголки его рта растянулись в улыбке:

- Да, в тот день облака заполнили все небо города. Небо над королевским дворцом, казалось, было пронизано буддийской аурой. Слышно было слабое пение сутр. Мастер сказал, что это потому, что мир был в смятении, поэтому божественный Будда перевоплотился в физического смертного, спустившись в этот мир, чтобы испытать бедствия, просветить людей и объединить все существа.

Ли Йоинь улыбнулась.

Независимо от того, были ли слова Ашины Бисо правдой или нет, люди Королевского двора, несомненно, верили в них.

Тем вечером Ли Йоинь переделалась в платье, которое прислала ей генерал. Одежда действительно была сшита по ее размеру и хорошо сидела на ней. Она не знала, откуда Ашина Бисо взял ее мерки.

В середине ночи она уже задремала, когда за окном послышался шум движущихся людей. Она резко проснулась.

В комнату вошла Се Цин и прошептала:

- Принцесса, это суматоха в главном зале. Сын Будды переезжает в буддийский храм.

Обычно Тунмо Луоцзя жил в буддийском храме. На этот раз было непонятно, почему он остался в королевском дворце, чтобы восстановить силы. Завтра в буддийском храме будет проводиться пуджа, поэтому ему придется переехать обратно.

Ли Йоинь легла и уснула, размышляя о том, почему монахи всегда переезжают посреди ночи.

На следующее утро Ашина Бисо, одетый в новую военную форму, с парчовым поясом на талии, предстал в ее дворе во всей красе. Держа в руках большую охапку свежих цветов, он стоял перед дверью, сияя золотой шевелюрой.

Ли Йоинь переделалась в наряд королевского двора. Ее черные волосы были зачесаны в косу, перевязаны цветными лентами и украшены различными драгоценностями. На ней была красная парчовая мантия с природным рисунком, рукава которой были украшены бисером, а на ногах - золотые сапоги. На поясе у нее висел кинжал, украшенный драгоценными камнями. Спускаясь по каменным ступеням, она подняла лицо, демонстрируя слабую улыбку.

Словно весь яркий звездный свет упал с облаков и окутал ее тело.

Ашина Бисо долго в оцепенении смотрел на Ли Яоинь. Только когда она подошла к нему и помахала рукой, он пришел в себя.

- Принцесса так красива.

Он ломал голову, но так и не смог подобрать слов, чтобы похвалить принцессу, внезапно лишившись красноречия.

Губы Ли Яоинь слегка изогнулись. Прикрыв лицо вуалью, она посмотрела на слегка взволнованного генерала, внезапно вспомнив группу молодых бездельников в Чанъане, которые проводили дни, преследуя ее на лошадях.

Время, проведенное в Чанъане, было как будто целую жизнь назад.

Праздник Синсян начался на рассвете с подметания дорог, установки драпировок на воротах и надвратных башнях и новых украшений по всему городу.

Изысканные буддийские статуи поместили на двадцать гигантских четырехколесных повозок, поднятых на три-четыре цзиня в высоту, и провезли по главным улицам города. Каждая из повозок была прекрасна, украшена золотом, серебром, лазуритом, хрусталем, тридакной, алым жемчугом и сердоликом. Занавески, покрытые дамасским шелком, напоминали миниатюрный переносной дворец. Статуи Будды в торжественных позах, вырезанные из золота и серебра, с нефритовыми и жемчужными ожерельями на груди, были стройны и изящны.

Жители города вышли на улицу. Мужчины и женщины, молодые и старые, независимо от их принадлежности, все переоделись в новые одежды, ликовали и следовали за огромными повозками к городским воротам, воспевая имя Будды.

Когда Ашина Бисо вывел Ли Яоинь из королевского дворца, главная улица кишела людьми. Се Цин и Се Чун напряженно хмурились. Боясь, что их разделит толпа, они шли рядом с Ли Яоинь.

По пути Ашина Бисо объяснял Ли Яоинь все традиции, вдумчиво, терпеливо и увлеченно. Люди в толпе время от времени приветствовали его, на что он отвечал улыбкой. Его очень любили. Заразившись его настроением, Ли Яоинь на время отложила свои заботы, чтобы погрузиться в оживленное и радостное празднование Королевского двора.

Длинная улица под городскими воротами была устлана войлочным ковром. Двадцать огромных повозок медленно подъезжали к высокой платформе под надвратной башней. На высоком помосте стоял стол для воскурения благовоний, окруженный жемчугом и золотом, которые отражали солнечный свет и сверкали. Дворяне и министры в великолепных нарядах

спустились с высокой платформы, сняли фетровые шляпы и босыми ногами встретили повозки.

С юга донеслась чистая и мелодичная мелодия. Возбужденная толпа внезапно затихла. Все затаили дыхание, с восторженным вниманием, сознательно отступая по обе стороны дороги. Подняв головы, они устремили взгляд в конец длинной улицы, выражение их лиц было почтительным, а в глазах застыло восхищение.

Ли Яоинь проследила за взглядом толпы.

Под руководством монахов, держащих в руках благовония и облаченных в одеяния, выстроившихся в два ряда, с юга медленно шел великолепно украшенный слон, покрытый цветной тканью и драгоценностями с треном на спине. На троне восседал человек, лицом похожий на холодную луну, глазами - на лотос, в одной руке он держал ветку лотоса, в другой - цветок лотоса. В широкой белоснежной каске с золотой вышивкой, опустив глаза, человек, казалось, пребывал в медитации, окруженный слабым ореолом буддийского сияния, похожий на бога.

Тунмо Луоцзя был здесь.

Он смотрел на толпу без эмоций, словно ничто на свете не могло проникнуть в его глаза.

Толпа вдоль обочин на мгновение притихла, а затем разразилась громким ликованием. Все смотрели на него, возбужденные и сияющие, натываясь друг на друга, чтобы забросать его цветами. Некоторые хотели дотронуться до края его мантии, но их останавливали одетые в голубое всадники Центральной армии.

Звучала негромкая музыка, цветы падали вниз, как дождь.

Слон прошел перед высокой платформой, послушно опустившись на колени. Вельможи и министры сделали два шага вперед и опустились на колени у ног слона. Тунмо Луоцзя поднял ногу и, наступив на руки и плечи министра, поднялся на высокую платформу.

Се Цин и Се Чун на мгновение замерли и негромко спросили:

- Принцесса, что это за практика? Их король фактически наступил на плечи министрам!

Ли Яоинь объяснила им:

- Это церемония вознесения, распространенная в Тяньцзю и Западных регионах.

Ее взгляд упал на министров. Кан Може и другие дисциплинированно стояли под высоким помостом с почтительным видом, на их лицах не было ни тени недовольства - видя, как

почитаем и могущественен Тунмо Луоцзя, разве они посмели бы вести себя непокорно?

С высокого помоста раздался богатый, мягкий голос. Тунмо Луоцзя начал проповедовать, используя язык Ху, понятный простым людям.

Ли Яоинь слушала некоторое время, но смогла понять только общую идею. Он рассказывал историю Будды, который видел страдания жизни и поэтому устал от мира людей, занимался медитацией и достиг просветления. Его голос был прохладным и мягким, с четким и спокойным тембром. Люди заворуженно слушали.

Через четверть часа Ли Яоинь перестала понимать и посмотрела на Тунмо Луоцзя, возвышавшегося на высокой платформе. Его лицо было красивым, а осанка - элегантной. В его теле больше не было видно следов тяжелой болезни.

Ли Яоинь обнаружила, что никогда раньше не видела Тунмо Луоцзя стоящим. Только сейчас, когда он, опираясь на плечи министра, поднимался на высокий помост. Ноги у него были длинные, фигура высокая и подтянутая, казалось, он чуть выше Ашины Бисо.

От какой именно болезни он страдал?

Пуджа длилась один сичень. Ашина Бисо прослушал половину, после чего вывел Ли Яоинь из толпы и повел ее в буддийский храм

В буддийском храме вот-вот должны были состояться дебаты по Священному Писанию, которые начнутся, когда Тунмо Луоцзя закончит читать проповедь. Старшие монахи уже давно прибыли. За исключением тех, кто отправился на пуджу, остальные уже готовились к диспуту. Двор был переполнен монахами: одни сидели на земле, медитируя с закрытыми глазами, другие уже спорили с окружающими, громко ворча и ругаясь.

Атмосфера в храме была напряженной и оживленной. Все молодые монахи, остававшиеся в храме, были полны предвкушения, ожидая, как Тунмо Луоцзя будет изящно вести словесную дуэль с монахами. Его ранняя репутация была завоевана в ходе подобных дебатов.

Ли Яоинь последовала за Ашиной Бисо на их места и скупающе огляделась по сторонам. Ашина Бисо опустил глаза и стал рассказывать ей несколько интересных анекдотов о своей детской практике в буддийском храме, как вдруг на нее устремился острый взгляд.

Сердце Ли Яоинь заколотилось, и она оглянулась.

В углу двора, лениво прислонившись к пагоде, стоял мужчина в халате с приспущенными рукавами. Разговаривая с окружающими его монахами, он смотрел на нее, и его светло-золотистые глаза сияли в солнечном свете холодной аурой.

Это был Хайду Алинь!

Увидев, что она узнала его, уголок рта Хайду Алиня приподнялся. Он поднял подбородок, и черты его лица стали жесткими.

Ли Яоинь не хотела находиться с ним в одной комнате и встала, чтобы покинуть свое место.

Ашина Бисо встал с озадаченным выражением. Заметив, что она выглядит не совсем правильно, он посмотрел в ту сторону, куда смотрела она, и его глаза столкнулись с глазами Хайду Алиня. На мгновение они уставились друг на друга. Хайду Алинь скривил губы и отвел глаза, на его лице появилась усмешка.

Лицо Ашины Бисо покраснело. Ускорив шаг, чтобы догнать Ли Яоинь, он пристыженно сказал:

- Принцесса Вэньчжао, Северный Жун тоже прислал монахов, чтобы они обсудили с королем Священные Писания. Однако я не знал, что посланником Северного Жун будет принц Хайду Алинь! Принцесса, не стоит бояться. Это Королевский двор, он не посмеет вести себя необдуманно!

Ли Яоинь поспешно вышла из буддийского храма и медленно успокоилась. Остановившись на пороге, она обернулась к генералу и улыбнулась:

- Я не хочу его видеть. Я не могу сопровождать генерала на дебаты по Священному Писанию.

Ашина Бисо поспешно ответил:

- Я тоже не хочу на это смотреть. Я провожу принцессу обратно во дворец.

Когда они вернулись в королевский дворец, Ли Яоинь проинструктировала своих солдат:

- В эти дни никому не разрешается покидать дворец. Представители Северного Жун находятся в Священном городе.

Все понимали всю серьезность ситуации и кивали головами в знак согласия.

Ли Яоинь вспомнила улыбку на губах Хайду Алиня, в которой читалась решимость победить, и ей стало не по себе и тревожно. Она не должна снова попасть в его руки. Она должна вернуться на Центральные равнины.

.....

Ли Йоинь не знала, что кто-то думает о ней на Центральных равнинах, за 8 тысяч ли от нее.

Несколько месяцев назад, Чанъань.

Из резиденции Пэй выехала быстрая лошадь. Всадник ехал круглые сутки, мчался три дня и три ночи. Прибыв в столицу, не успев сделать и нескольких вдохов, он направился напрямик в Восточный дворец.

Резкий голос евнуха возвестил:

- Ваше Высочество, человек, посланный к семье Пэй, вернулся!

Неожиданно раздались шаги. Из внутренней комнаты вышел человек с глазами феникса, одетый в официальную мантию наследного принца.

<http://tl.rulate.ru/book/72517/3501982>